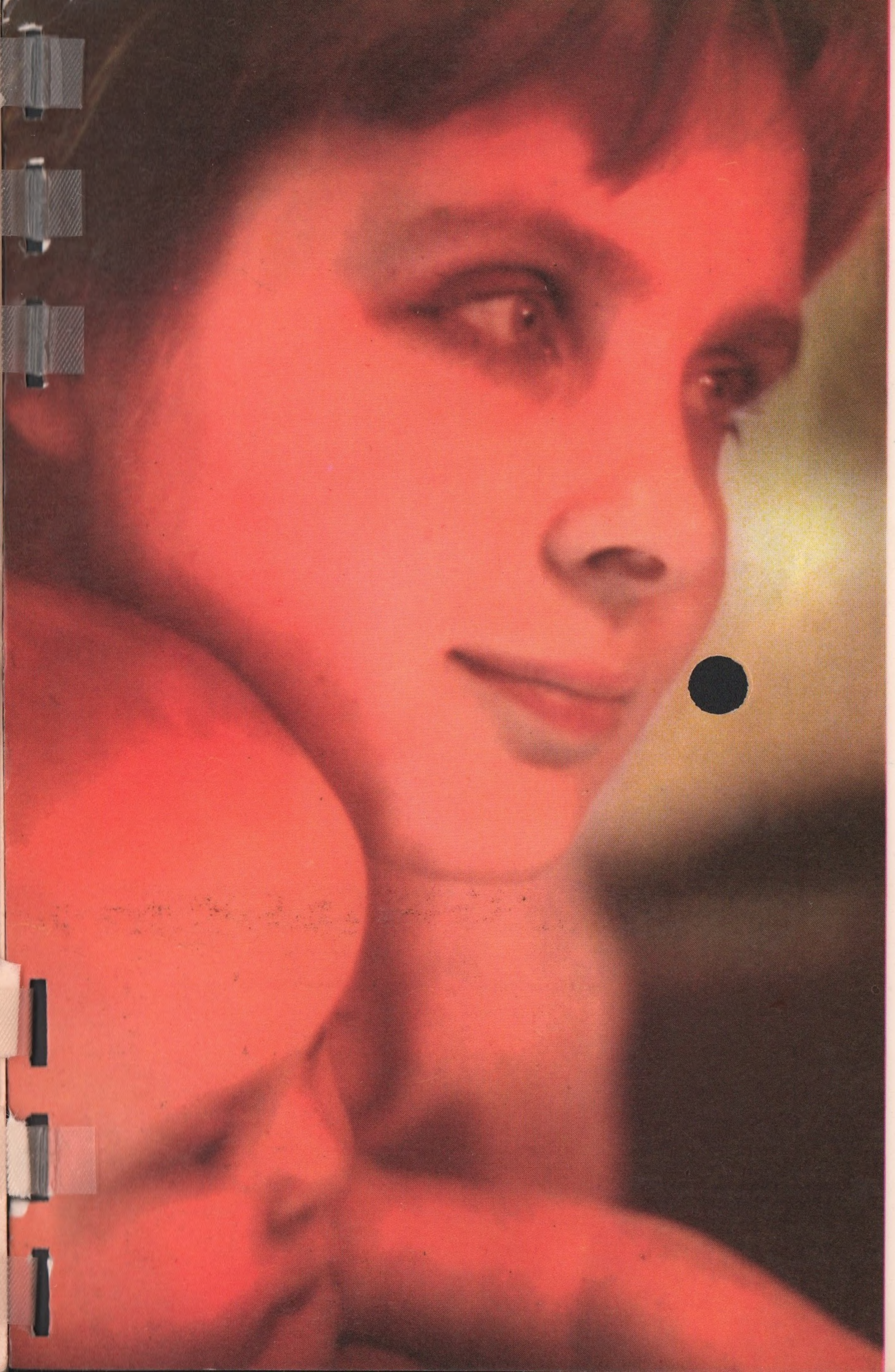

2 кругозор 67

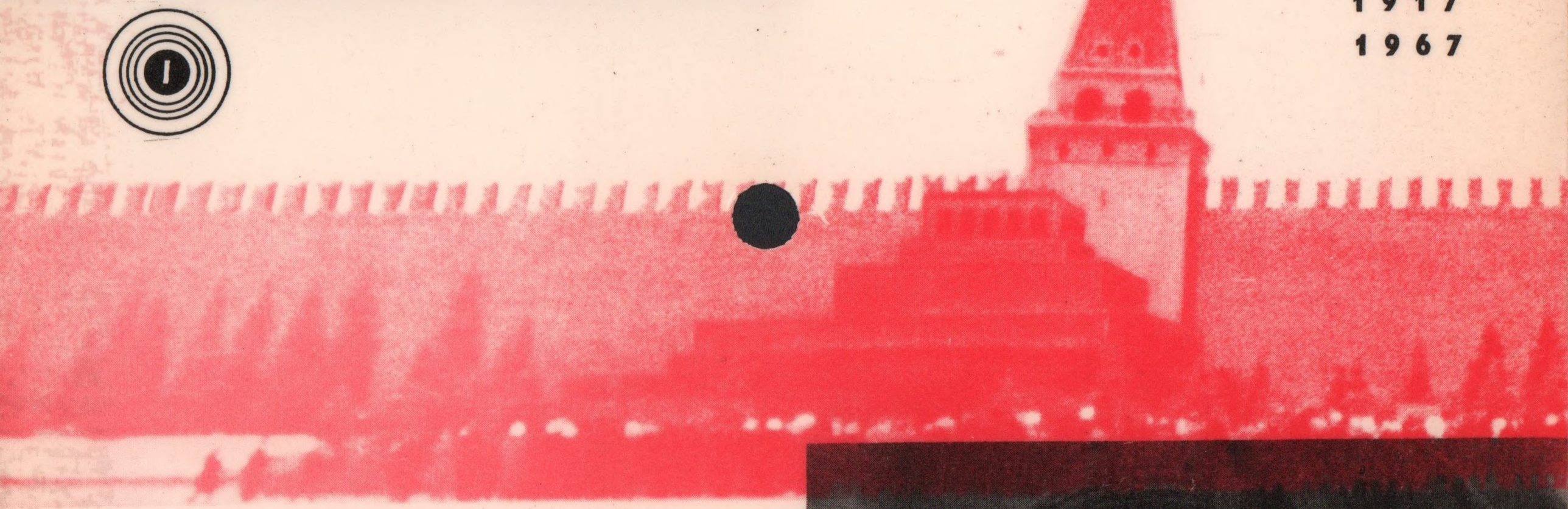

Галина ШЕРГОВА

У Кремлевской стены

Фотоочерк
Л. Лазарева.

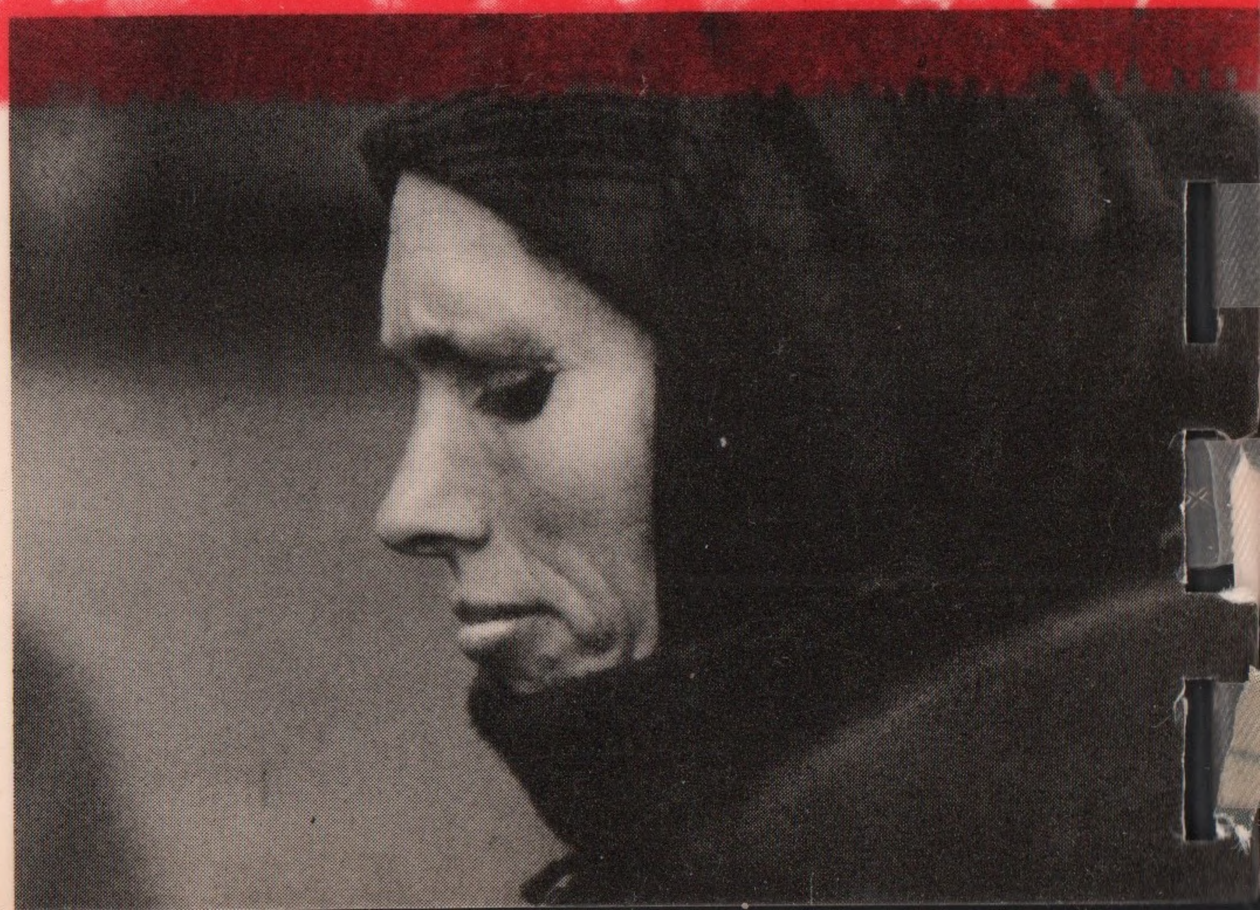
1917
1967

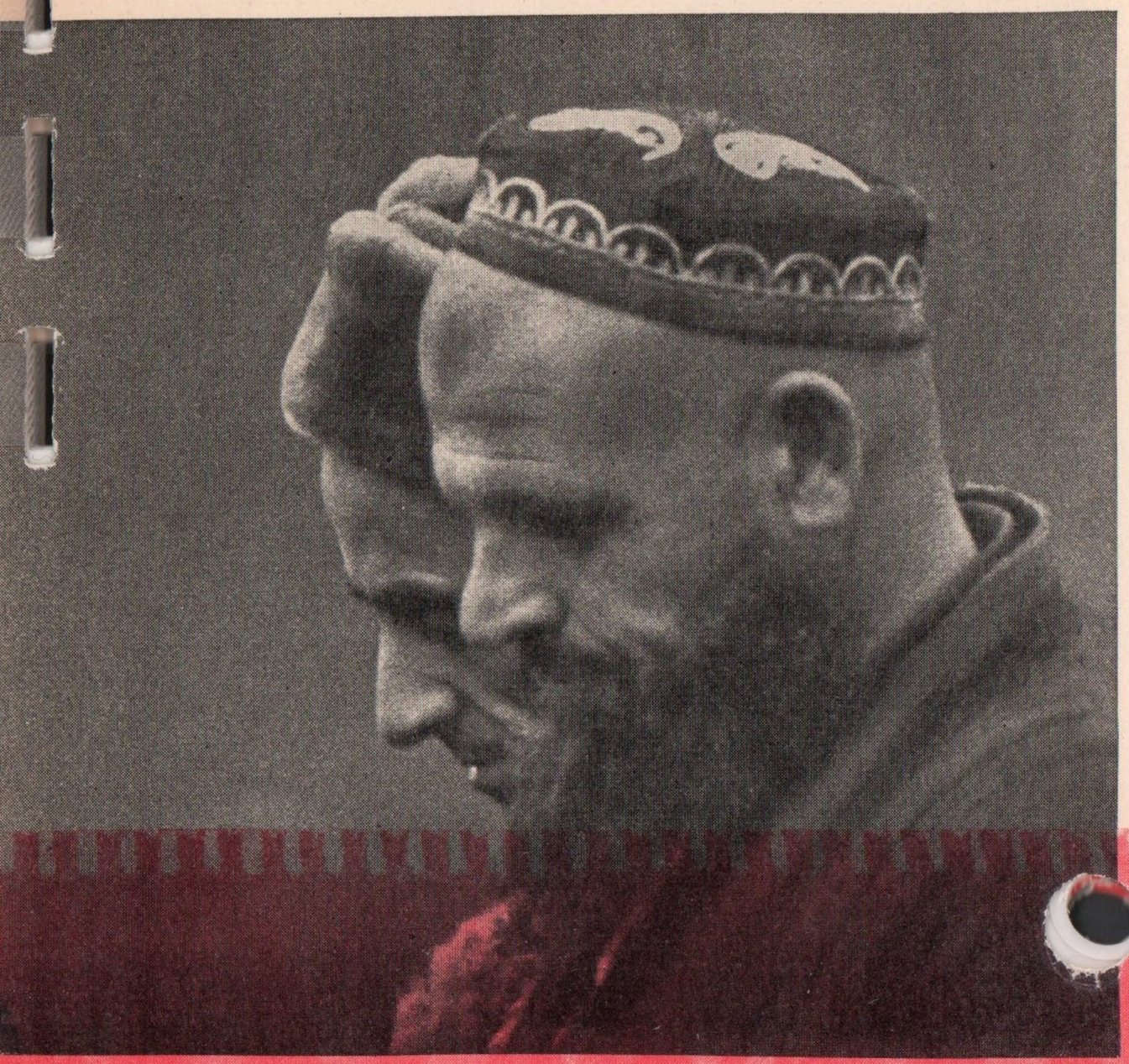

Для нашего народа всегда будет священна память революционных борцов, большевиков-ленинцев, погибших в царских тюрьмах и ссылках, память народных героев социалистической революции и гражданской войны... Не померкнет слава сынов и дочерей народа, отстоявших свободу и независимость нашей Родины. Никогда не будут забыты мужественные строители первых пятилеток, новых заводов, колхозов и совхозов...

Велик путь нашего народа. Велик его подвиг. Он будет вечным примером для грядущих поколений, для всех, кто избрал дорогу свободы.

(Из постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции».)

взлета. Никто из них не обрекал себя на вечность. Они жили и делали дело, без которого не могли жить. Просто — люди. Суть, видимо, в том, какое дело ты избираешь, и в том, как ты делаешь его. И тут нельзя предугадать своего бессмертия или «работать» на него. Вечность отбирает сама.

Кладбища обычно бывают молчаливыми сколками с социальной карты поселения живых. Короли не покоятся рядом с жестянщиками. Владельцы нефтяных концернов не соседствуют на погостах с водителями бензоцистерн. Некрополь у Кремлевской стены — тоже сколок с социальной структуры государства. И только здесь, рядом с Мавзолеем Ленина — человека великого в истории народов,— могут покоиться министр, летчик, молотобоец, студентка.

Разные профессии — еще не различие в деле. Дело было общим, служение ему безраздельным. Дело — Революция.

Пятьсот гробов, грубых, струганых гробов, крашенных алой краской, первыми опустились здесь в братскую могилу защитников революции. В октябре 1917 года. Джон Рид вспоминал потом слова студента, рывшего вместе с другими эту могилу: «Здесь, в самом священном месте России, похороним мы наших святых». В день похорон все московские церкви и часовни, захлопнув двери, потушили свечи. Анафема бунтарям была наив-

Окончание читайте на 4-й странице.

Человеческий возраст не знает трехзначных цифр. Случаи, описанные в книгах о долголетии, не в счет. В биографии камня столетия — цифры его возраста.

И напиши на могильной плите хоть самую пышную эпитафию, камень не способен продлить оборванный смертью возраст человека. Но если у земли, камня, человека — общая судьба, пребывание человека в истории измеряется столетиями.

Красная площадь — летопись России, жизнеописание Советского государства. Кремлевская стена — очевидец его истории. Камни стены и ее земное подножие приняли прах лучших людей государства, и теперь у стены и у мертвых — общее имя и общая история.

Те, кто похоронен у Кремлевской стены и в ее камнях, стали частью истории. Но они были людьми — страдавшими, любившими, сражавшимися, знавшими разочарования и минуты душевного

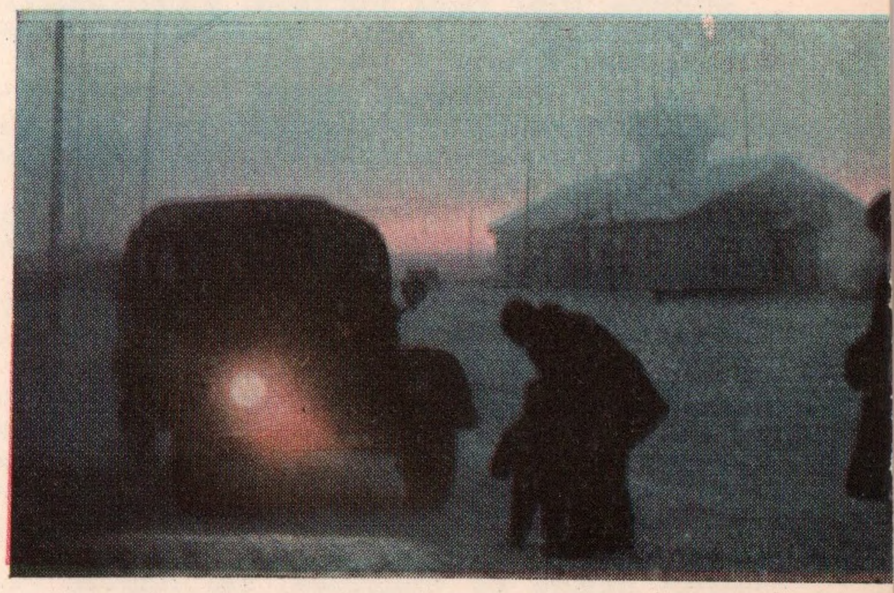
ТЕПЛЫЕ КРАСКИ СЕВЕРА

Север — не только
северное сияние,
оранжево-синие рассветы,
исчезающие во мраке
полярной ночи...
Новые порты, институты,
атомная станция,
золотые прииски —
и это краски северной палитры...
Три недели путешествовал
по Заполярью корреспондент
Всесоюзного радио
Геннадий Цепулин.
Его репортаж—на второй
звуковой странице.

На снимках:
Городская окраина.
Сорок градусов ниже нуля.
Огни в полярной ночи.
Цветок Севера.

Владимир СМИРНОВ

Опять по сопкам ветер злится,
В ветвях запутавшись,
Хрипит.
Палатка бьется, словно птица,
Еще немного — и взлетит.

Ну и погодка!
Злого нрава.
Мороз ожесточенно крут.
Апрель, наверно, не по праву
Весенним месяцем зовут.

А может, просто —
Это Север,
Насквозь промерзшая земля...
А где-то думают о севе
И пашут теплые поля.

И солнце брызжет с поднебесья.
Лучи — ладонями лови.
В кустах, захлебываясь песней,
Осоловели соловьи.

А здесь — ни голоса, ни выстрела.
Куда ни глянешь —
Снег да лед,
И только бешено в транзисторе
Цивилизация орет.

Окончание. Начало на 1-й странице.

ной. Святые не нуждаются в благословении дьячков. С тех пор погребаемые на Красной площади знают одно благословение: благодарная память народная.

В школе, на пионерских сборах мы пересказываем биографии. Свердлов, Дзержинский, Фрунзе, Киров, Орджоникидзе, Калинин, Куйбышев... Мы пересказываем их жизни, как повторяли бы родительское напутствие, отправляясь в дорогу — у самых ее истоков. Чтобы в конце соизмерить с заветом пройденный путь.

Здесь, у Кремлевской стены, ты прочтешь много других имен, произнося которые ты увидишь не только человека — событие.

Евгений Сапунов. 27 октября 1917 года большевик Сапунов вел революционных солдат к Красной площади. Там погиб он от юнкерской пули и был поднят на штыки. Враги не знали, что тем поднимают его над забвением — к бессмертию.

Александр Цюрупа. Если когда-нибудь ты захочешь представить, что такое революционное бескорыстие, вспомни голодный обморок этого человека на заседании Совнаркома. А он был наркомом продовольствия. В его руках находились продовольственные запасы всей страны.

Глеб Кржижановский. Это имя зажигает в памяти не только огни ГОЭЛРО. Память высвечивает и тысячи «искр», тысячи экземпляров ленинской «Искры», озарявшие Россию в начале века. Кржижановский руководил Русским бюро РСДРП перед решающим II съездом партии.

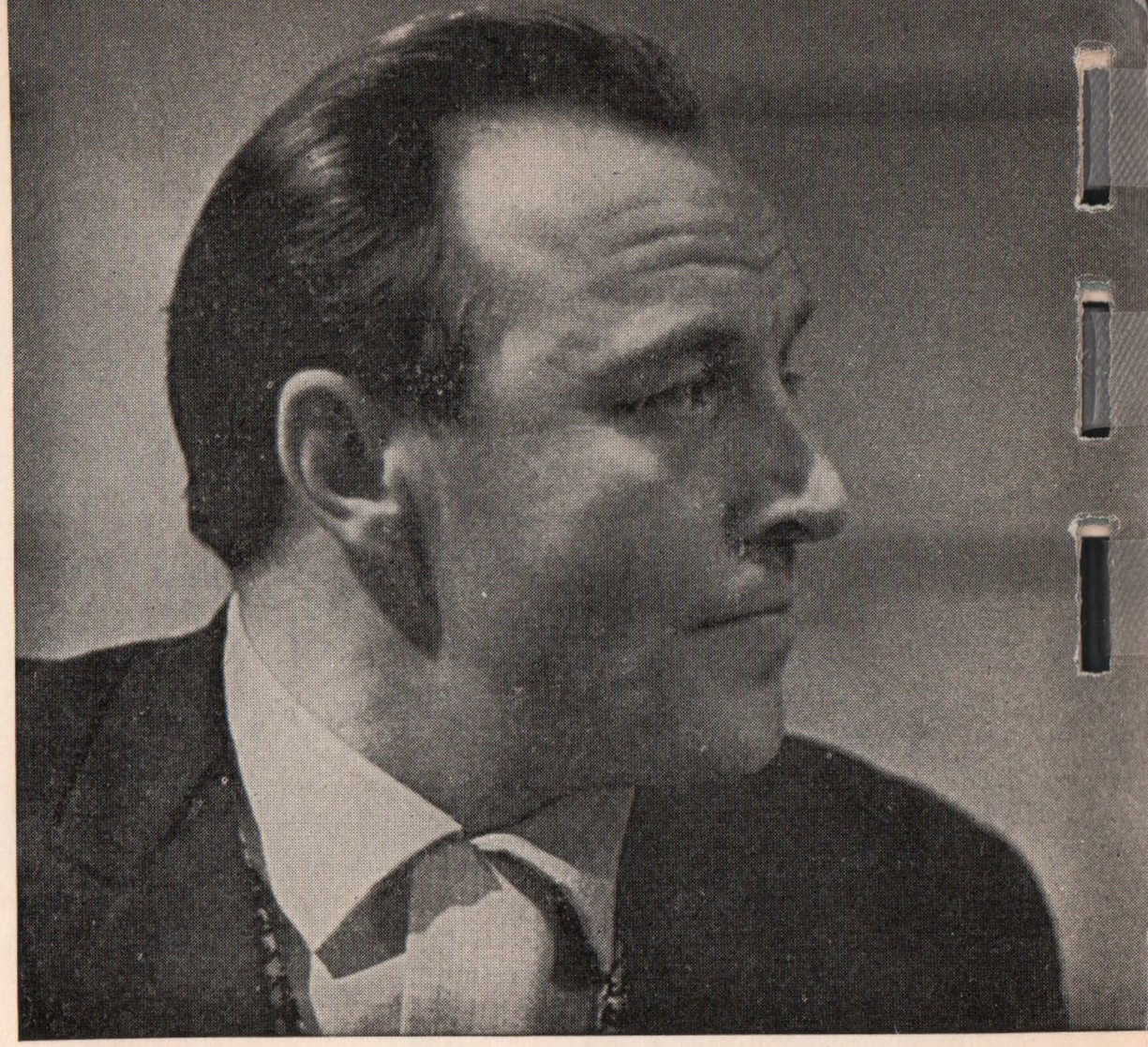
И другие вехи — от других имен.

Федосеенко, Васенко, Усыскин. 30/I-1934 г. Они подняли на 22 000 метров стратостат Осоавиахима. Эта дата стала датой их смерти. Но когда 12 апреля 1961 года Гагарин ушел ввысь, его ракета начала путь на этой первой «делянке», прорубленной в близком космосе.

Не только имена детей России прочтешь ты на Кремлевской стене. Борцы за будущее всего человечества вписывали строки в биографию пролетарского государства.

«Я надеюсь дожить еще до того радостного дня, когда я по праву старшинства открою первый съезд Советов в Советской Германии». Это сказала 75-летняя женщина с трибуны рейхстага. В 1932 году. Ты помнишь, каким был тот год для Германии, и понимаешь, сколько мужества нужно было оратору. Клара Цеткин — прочтешь ты ее имя у Кремлевской стены и подумаешь о том, что мужество рождает пророков, если они даже не доживают сами до предсказанных ими свершений.

Но свершения приходят, и люди нарекают маршруты и точки земли именами тех, кто пророчил этой земле ее будущее. Ты идешь после выпускного вечера на Красную площадь по улице Горького, ты ждешь любимую на углу улицы Куйбышева и проезда Сапунова, а потом вы идете на площадь Дзержинского или Ногина. В Хибинах встает город с именем Кирова, а улицу в целинном совхозе люди называют в память об участниках Октябрьского штурма. Эти названия входят в твой быт, и с ними в ежедневное существование входит Революция. А когда революция становится бытием поколений, ее возраст может быть долговечнее возраста камня. Ведь камню неизвестно бессмертие. Бессмертие — удел идеи, ставшей делом поколений.

Исполнение стихов—дебют для лауреата Ленинской премии Михаила Ульянова. Прежние его роли, насыщенные истинной страстью и глубокими размышлениями, вероятно, обещают актеру успех и в этой, новой...

Дмитрий СУХАРЕВ

Мы живем высоко, на восток два окна,
Наша комната к небу прижата,
А на небе — труба,
А над нею — луна,
А над ней разве только стрижата.
Проберется к нам солнышко в утренний час —
Затрясется будильник от злости!
А еще хорошо вечерами у нас,
Заходите, пожалуйста, в гости.
Мы живем высоко.
Наши окна блестят.
Где-то снизу — верченье людское.
Все же пятый этаж — это вам не пустяк,
Не у каждого счастье такое.
Иногда к нам приходит один человек,
Человечек в старинном наряде.
Он вчера заходил и зайдет через век,
Все следит: хорошо ли мы ладим?
А чего тут следить?
Все понятно и так.
Разберемся, где правда, где кривда.
Не ходи ты зазря, человечек-чудак,
Тяжело же на пятый без лифта!

626

Этим порядковым номером завершается знаменитый «Тематический перечень сочинений Вольфганга Амадея Моцарта». Он составлен Людвигом Алоисом Кёхелем более ста лет назад и с тех пор непрерывно пополняется сведениями о новых находках рукописного наследия венского классика. Казалось бы, сегодня в «KöchelverreichniSS» («К. V.») учтено и аннотировано все, что вышло из-под пера Моцарта. И все же... Мы уверенно добавляем к числу «626» еще одну находку. Рондо из концерта ре-мажор для валторны с оркестром. Рукописная партитура обнаружена в хранилище манускриптов Института театра, музыки, кинематографии в Ленинграде.

Непривычного, поперечного формата партитурные листы. На них нетерпеливой рукой композитора нанесены нотные знаки. Чернила словно бы увяли, и тем не менее как характерен этот почерк! Будто перо не поспевает за стремительным потоком мысли гения!..

Моцартовские концерты для валторны были написаны в расчете на исполнение их Игнацем Лейтгебом, великим неудачником, приятелем композитора. За что только он не брался, чтобы поправить свои дела,— даже торговал сыром. Моцарт всячески над ним потешался и на всех рукописях делал разного рода насмешливые пометки, вроде: «Держись, дружище», «Не будь ослом!» и прочее. Наша ленинградская рукопись испещрена подобными же комментариями.

Как попали эти десять листов партитуры в Петербург, установить пока не удалось. Этим, по всей вероятности, займутся исследователи творчества Моцарта, которые не замедлят внести Рондо в «Перечень» Кёхеля.

Сергей БАРСКИЙ

Ленинград.

626+1

фамильярный

Вселенная вся
в моем малом оконце,
и космос
мне так представляется:

1

Солнце.
А впрочем, не солнце.
По правде сказать,
на солнце вполне различимы
глаза.

На жаркой плите
она варит обед...
И в этом
ошибки особенной нет:
солнце
кормилицей кажется,
матерью,
если к нему
присмотреться внимательно...

Вечер.
В окно мое, медленно метясь,
А утром,
предсолнечной
трепетной ранью,
опять он исчезнет
совсем без вниманья...
Итак,
вы увидели профиль лица
с работы вернувшегося отца.
. . . . . .
Мерцает
в окне моем позднем
всегда

Эдуардас МЕЖЕЛ

Гравюры
Ю. Космынина.

Два глаза янтарных овального
лика
и губы, где прячется
птица-улыбка,
две точечки носа,
взошедшие в небо,
и щеки — румяная корочка хлеба,
и льются на землю
и падают косо
летящие по ветру
светлые косы...
И вот
все сильней разгорается утро,
блестит и дымится
кухонная утварь,
синеет передник
сквозь облачный пар —
и кухней и утром
передник пропах!
Вы разве здесь солнце узнали?
Едва ли.
Скорей
хлопотливую мать увидали.

Луна,
словно лук, выгибается:

2

Месяц.
Но месяц ли это действительно?
Впрочем,
похоже —
лица человечьего профиль.
Черты подбородка,
и носа, и уса
вполне различимы мне в контуре
тонком...
Вернувшийся ночью,
он долго и грустно
стоит одиноко
над спящим ребенком.
Запавшие щеки,
глаза углекопа —
черна
под глазами
усталости копоть.

печальная синяя птица:

3

Звезда.
А впрочем,
по правде сказать,
не звезда,
а просто
бездонные
чьи-то глаза.
Прикрытое трепетом синих ресниц
лицо.
Не бывает прекраснее лиц.
И губы
сердечком
безмолвны и кротки,
в которых
гнездятся
минорные нотки.
И длинные косы ее золотятся,
касаясь земли,
словно шелк номитаса...

космос

Звезда ли?..
Скорее похоже —
сестра моя.
Низко
она над мечтой,
словно ива, склонилась...
Так я
два понятья, лежащие близко,
смешал, как Руссо,
оценивший наивность...
Я становлюсь фамильярным с
вселенной:

мать —
это солнце вселенной семейной,
отец —
это месяц усталый,
сестра —
звезда,
что встает и сияет с утра!
А в сущности?
Солнце — кормилица мира,
оно нас
и грело всегда и кормило;
месяц — отец,
у звезды этой нрав
сестры моей...
Я,
таким образом,
прав.

Перевод с литовского
А. Передреева.

Фотоэтюд Н. Свиридовой.

КОНГО—МЮЛЛЕР просится в Сайгон

В Дахау, неподалеку от Мюнхена, двадцать тысяч человек проголосовали за нацистскую партию... *

«Экспрессен». Стокгольм.

Тот, кто видел по нашему телевидению немецкий документальный фильм «Смеющийся человек», уже знаком с Конго-Мюллером, с наемником Чомбе, который в своем часовом киноинтервью с циничной готовностью раскрыл нараспашку свою душу насильника и убийцы.

Этот сеанс «духовного стриптиза» я впервые наблюдал в Лейпциге на очередном просмотре фестиваля документальных фильмов.

«Мюллер только патология... В любой семье не без урода»,— говорили иные гости фестиваля из ФРГ. «Конго-Мюллеров там у вас фабрикуют сериями»,— отвечали товарищи из ГДР.

На экране Конго-Мюллер был, как говорят, при параде: майорские погоны, железный гитлеровский крест... Покуривая сигареты, потягивая «Перно» и беспрестанно улыбаясь, он не без приятности вспоминал, как был солдатом фюрера, как стал наемником американцев — сначала в Европе, потом в Корее... Ландскнехт империализма, он, как о подвигах, рассказывал о расправах над безоружными конголезцами. Невинными шутками представлялись ему дела компаньонов по карательному промыслу: один собирал коллекцию черепов, другой приурочивал расстрелы к приезду кинооператоров (фото № 2)...

И все, что живописал разболтавшийся убийца, мы видели на экране. В экранный монолог были вмонтированы подлинные фотографии.

Нелегко достались эти фотографии

* *Речь идет о национал-демократической партии.* (Ред.).

авторам фильма, кинематографистам ГДР Вальтеру Хейновскому и Гельмуту Шёйману. Нелегко было им и заполучить интервью «улыбчивого» господина. Пришлось действовать под псевдонимами, идти к цели окольными, подчас хитроумными путями.

Мне захотелось поговорить с людьми, чей журналистский подвиг позволил нанести такой снайперский удар по неоколониализму и неофашизму. Хотелось узнать о дальнейшей судьбе Мюллера.

Знакомство состоялось, но беседы не вышло. В ответ на все вопросы Хейновский и Шёйман отвечали весело, с загадочным постоянством: «Подождите до завтра...»

Назавтра действительно все разъяснилось. После обычной фестивальной программы уже поздно ночью мы увидели новый фильм боевого «тандема» — «P. S.» к «Смеющемуся человеку». Фильм обличал. Обличал обывателей из городка, где долго жил Конго-Мюллер; их нимало не смущало соседство с убийцей. Обличал юстицию ФРГ, чины которой намеренно дали убийце возможность бежать за пределы страны, как только вдова Лумумбы возбудила против него уголовное дело.

В финале мы снова увидели знакомый полуоскал (фото № 1). Вот Мюллер с семьей в Иоганнесбурге (фото № 3), вот он, посмеиваясь, осматривает памятники... Трогательно кормит на озере черных лебедей...

Но Иоганнесбург для него только перевалочный пункт. Майор Мюллер собирается в Сайгон. Не пропадать же опыту гитлеровского офицера, карателя Кореи и Конго!

Есть Германия, которая стоит за спиной у подобных Конго-Мюллеров. Но есть Германия, которая делает все, что может, чтобы в далеком Вьетнаме восторжествовали мир и справедливость. Чувства этой Германии мы с особой силой ощутили, когда неутомимые авторы показали на фестивальном экране свои документальные фильмы.

Виктор ГОРОХОВ

Лейпциг — Москва.

1

2

3

В конце 1966 года на Второй часовой завод пришла ученицей семнадцатилетняя Валя Александрова. Школа, завод, желание учиться дальше. Начало пути.

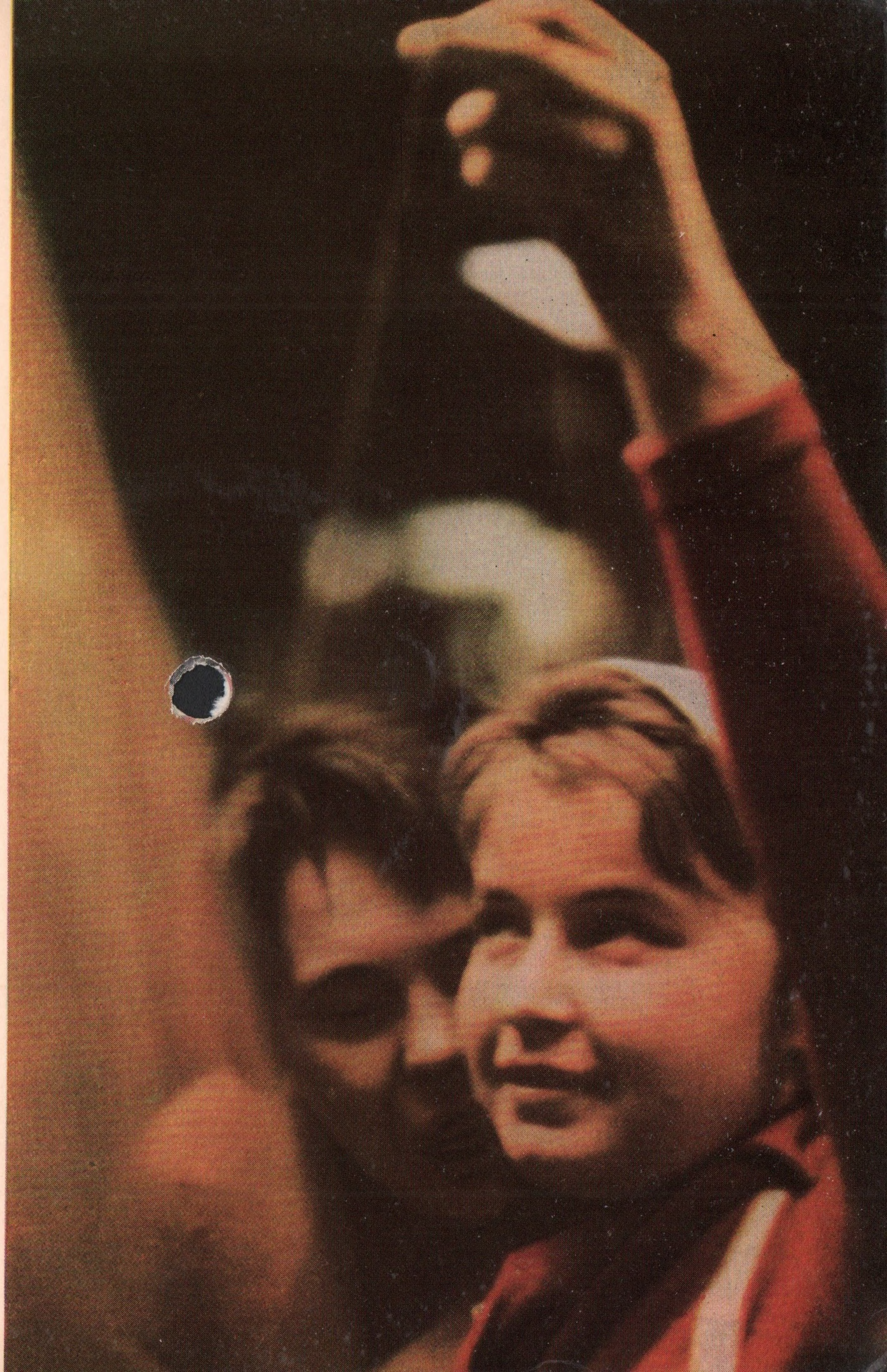
Шесть лет назад в другом конце Москвы, на ткацком комбинате имени Свердлова начиналась трудовая биография Ольги Алексеевой. И вот первое признание: медаль «За трудовую доблесть».

Фото Л. Лазарева и Н. Свиридовой.

Олег ДМИТРИЕВ

Эй, дождик, дождик, перестань!
Ну удружил, ну постарался!
Как это он в такую рань
Надумал вдруг: идти собрался?
И я в парадное бегу,
Соображая: очень надо
Теряться, как игла, в стогу
Сверкающего водопада!
С ума сведет, с ума сведет
Такая чертова погодка.
Но мимо девушка идет —
Такая четкая походка.
Куда ты, милая, куда?
Беги в подъезд или ворота!
Стоит колючая вода,
Как частокол у огорода.
Мокра девчонка, смущена,
Меня не замечает вовсе.
Она на месте быть должна
Без опозданья, ровно в восемь.
К стеклу приник я — там и тут,
Как будто бы в лесу, на ощупь,
Девчонки от метро бегут
Поодиночке через площадь.
О, сколько их, над головой
Газеты мокрые держащих,
Летит над тусклой мостовой,
Разгоряченных и дрожащих.
Ах, эти Поли, эти Лены!
Ах, эти полиэтилены —
Бесцеремонная вода
Сквозь их узоры проникает.
И в модных сумочках — беда —
Все безнадежно промокает.
В их разноцветные плащи
Дождь, расшалясь, как из пращи,
Швыряет голубые капли.
И режиссера не ищи
В веселом уличном спектакле.

Я ощущаю, как во мне
Все нарастает недовольство,
Что я остался в стороне
От их девчачьего геройства,
Что мне сегодня к десяти,
Что мне не холодно, не жарко,
Что может дождичек пройти
И это будет очень жалко...

Владимир ЦЫБИН

РАССКАЗ

ЧАСЫ

ТЕПЕРЬ я точно знаю, откуда не вернулось мое детство. Оно у меня совсем маленькое было — почти не увидишь от земли. Вот стучат вроде бы на столе часы: «Тик-так, тик-так». Все спешат куда-то, как мое детство давным-давно, спешат, спешат. Две стрелки на часах — два крыла бабочки: медленно взмахивают стрелки, а улететь не могут.

У нас дома часов не было, были часы у Сергея, а он их на войну унес. Но все равно я слышу, как их кто-то заводит каждое утро. Только стрелки крутятся, а цифр нет — время не показывают... И ночью я разговариваю с Сергеевыми часами:

— Почему вы одинаковые все время и одинаково стучите?

— Так-так,— отвечают Сергеевы часы.

— Если вы остановитесь, то дни быстро бежать будут?

— Так-так,— отвечают Сергеевы часы.

А может, в часах сидит кузнечик и кует время? Бьет себе молоточком по какой-то там части? А что, если Сергей свои часы в стене избы спрятал? Ведь я слышу их, точно слышу!..

Ночью я играю в догонялки с часами: часы от меня убегают, а я догоняю их. А потом они меня догоняют, и тогда я становлюсь совсем маленьким, каким был в начале войны.

— Ух! — говорю я Сергеевым часам.— Все-таки догнали!

— Это ты запыхался,— говорят Сергеевы часы,— вот почему так быстро и догнали тебя. Обычно долго догоняем, но все равно догоним: никто от нас не уйдет — ни хитрый, ни быстрый.

— А если я спрячусь? Возьму и спрячусь? Ну, хотя бы в воду нырну? Тогда что? Или в сундук залезу?

— Так-так, пустяк! — говорят Сергеевы часы.

— А в жмурки вы умеете? Это же просто — завязать глаза полотенцем и догонять...

Я лежу на печи и тихо слушаю, как тиктакают Сергеевы часы, которые он унес с собою на войну. И разговариваю с ними потому, что сейчас со мною не любят разговаривать: сейчас война, и всем, никому-никомушеньки не до меня...

Я люблю придумывать часы и разговаривать с ними тихо. Это моя игра, которую я сочинил.

●

После смерти Сергея у нас в избе остались часы. Мама положила их в сундук, где они остановились давно. Иногда, когда передвигали по какой-нибудь надобности сундук, они начинали стучать с перебоями, потом опять останавливались. И тогда мать говорила:

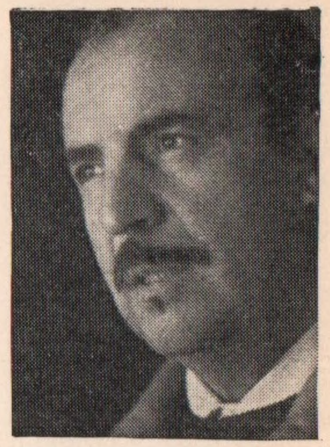
— Сережа эти часы любил. Ему их дали на каких-то состязаниях. Он с ними на войну ушел. Сережу вот поранило, а часы — нет, целехонькие. Значит, живучие. Вот и сейчас — их не заводили, а они идут...

Когда она оставалась одна, то порою вынимала из сундука часы, развертывала тряпочку и заводила их чуть-чуть. Послушает-послушает и, как только они переставали ходить, снова завертывает в тряпочку и кладет в сундук...

Мне кажется, что это она слушала Сергеево сердце, которое осталось в часах. И мне самому

Окончание на 14-й странице.

ИНТЕРВЬЮ «КРУГОЗОРА»

Сразу было видно, что это любители. Они не рассыпались по сцене с той обкатанной непринужденностью, которая в крови у профессионалов. Они стали рядом, стали в ряд и редко меняли позу. Их звезда-певица была в очках и напоминала просто милую секретаршу из какого-нибудь бюро, а аккордеонист и ударник не напоминали решительно никого. Руководитель ансамбля — пожилой человек огромного роста—не стоял впереди, он никем не дирижировал, а пел вместе со всеми и даже чуть тише остальных, держась несколько сзади, стараясь не мешать. Лишь изредка два гитариста повертывались лицом друг к другу, будто часовые. Казалось, они охраняли первозданное звучание песен, родившихся давным-давно у партизанских костров в горах Лигурии.

Ансамбль «Группа итальянского фольклора», сохранивший для нас песни Сопротивления, был организован вот тем самым высоким человеком—Паоло Кастаньино, который во время войны носил партизанскую кличку Саетта.

ПОЧЕМУ САЕТТА?

Объясняет гитарист Альфредо Грекки:

— Саетта — по-итальянски молния, молниеносный, быстрый мыслью и действием. Это прозвище дается тем, кто молниеносно

САЕТТА МОЛНИЯ

оценивает ситуацию и находит решение. Однажды зимой Саетта провел свой отряд через кольцо гитлеровских войск. Он нашел снежную тропу, по которой проползло под носом у врага восемьсот бойцов...

...Оценить ситуацию и найти решение... Тогда, в 1940-м, это было не так легко. Паоло Кастаньино — солдат итальянской фашистской армии в оккупированной Греции. Ситуация оценена: он, Паоло, защищает неправое, несправедливое дело. Принято решение — перейти на сторону греков.

Он приходит не один. Вместе с ним в горы шагает группа итальянцев с оружием. Кастаньино начинает борьбу на греческой земле...

...В сентябре 1943 года до него доходит весть из любимой Лигурии: туда вступили нацистские войска. Паоло достает фальшивые документы на имя несуществующего техника по самолетостроению и в кузовах попутных машин, теплушках, пешком добирается до Апеннин. Перед ним — Киавари...

ТИХОЕ МЕСТО

Разговор продолжает Паоло Кастаньино—Саетта:

— ...Я родился, жил и живу в Киавари, на Ривьере. Красивый и спокойный городок. Очень спокойный. События докатывались до него отдаленным эхом. На этот раз гром загремел рядом. Союзники двигались с юга на Геную и решили разбомбить Киавари с воздуха и моря. В этот момент я был командиром гарибальдийской бригады партизан. Мы заявили союзникам, что такую красоту, как Киавари, бомбить нельзя и что сами будем атаковать этот рубеж. Нам дали 24 часа. Мы разбили немцев и вступили в Киавари. Дорога на Геную была открыта...

...И БУРНАЯ ЖИЗНЬ...

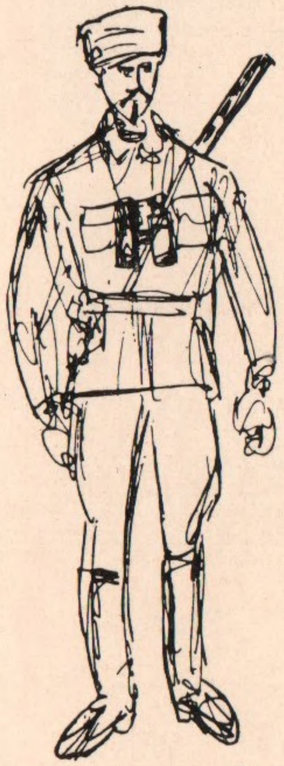
— ...В шестнадцать лет я бросил учебу и пошел работать. Перепробовал многое: был рабочим, конторщиком, торговцем. Сейчас средства к жизни мне дает автозаправочная станция. А главное для меня, конечно, партийная работа... Всегда много занимался спортом. Был жокеем, боксером (бывший чемпион Италии среди «новичков», 40 боев)...

НОКАУТ ПО-ПАРТИЗАНСКИ

— После войны надо было защищать то, что завоевано. В 1960 году мы выдержали схватки с неофашистами в Киавари и Генуе. Вспоминается и такой эпизод. В Риме состоялся партизанский слет. Все шло на официальном уровне. На трибунах монумента «Алтарь отечества» стояли члены правительства и те, кто был ими приглашен, в том числе и я. Внизу выстроились войска, а несколько поодаль, на площади Венеции,— партизаны. Был возложен лавровый венок к памятнику Неизвестному солдату. И тут во время церемонии я увидел, как два депутата вскинули руки в фашистском приветствии. Я не мог удержаться и подскочил к одному. Ему это стоило полуторамесячного «отдыха» в госпитале.

Освобождение итальянских политзаключенных. 1944 год.

Paolo Castagnino Saetta.

МУЗЫКА

— Музыка всегда была частью меня самого. У нас в семье все ее обожали. Отцу Эудженио сейчас почти девяносто, но он еще бодр и до сих пор любит попеть где-нибудь в харчевне. Если его песни кому-то не по вкусу, он может вступить в перепалку. Видимо, от него мне досталась музыкальная память. После войны я занялся собиранием песен о Сопротивлении. В них дух нашей борьбы.

О русских людях и русских песнях в горах Италии Саетта рассказывает на шестой звуковой странице журнала.

ЧАСЫ

Окончание. Начало на 12-й странице.

так представляется, что мать отчасти права, потому что люди заставили биться часы так же, как сердце,— не медленней, не быстрее. Оттого, наверное, и время мерится этой мерой...

Мне хочется разговаривать с часами, но часы молчат и ничего не отстукивают. А других часов у нас нет, как, впрочем, и ни у кого. Часы и радио есть только у Рябова. И я тихонько передвигаю сундук: может, завод еще остался, и часы мне что-нибудь скажут. Иногда часы невнятно начинают что-то стучать: «Тихо, ти-хо, ти-хо, тихо!» И я обижаюсь на часы, что они со мной не разговаривают, а сами что-то слушают в себе. А может, их тоже контузило бомбой?

Только ночью в мой сон приходят часы и начинают стучать всю ночь напролет, словно хотят меня разбудить и о чем-то спросить. Но я не могу проснуться и говорю: «Не надо, не надо. Вы все равно не умеете говорить».

— Ишь как, ишь как! — укоризненно говорят часы.

Но я сплю и только под утро просыпаюсь от дождя...

●

Теперь у нас стали заводить Сергеевы часы, потому что часы без работы могут умереть. И еще маме сказали такую примету: если в избе часы не ходят, значит, к беде. Да и самим хочется помнить время. А то соседи приходят и спрашивают:

— Сколько время?

— Не знаем.

— Так у вас же часы!

И приходится объяснять, что часы незаведенные. И теперь, когда стали возвращаться с войны, часы пошли, я привык к их тиктаканью. Но меня по-прежнему забавляли стрелки: они все кружились и кружились вокруг своей оси, и я понимал, что так надо, что это кружится время...

И я опять разговаривал с часами, когда больной дедушка засыпал.

— Тише, ти-ше! — говорили часы, а сами спешили:— Ти-ше...

И мне хотелось, чтобы они спешили, не кружились, а ходили прямо, но я не знал, как это сделать.

— Наверно, вам надоело показывать одно и то же! — говорил я.— Вечно одно и то же.

— Ни-че-го, ни-чего! — говорили часы.— На-до, на-до.

Радостно они стучали. И я слушал их и забывал, что я давно маленький, с самого рождения.

У нашей избы появилась душа: это были заведенные Сергеевы часы...

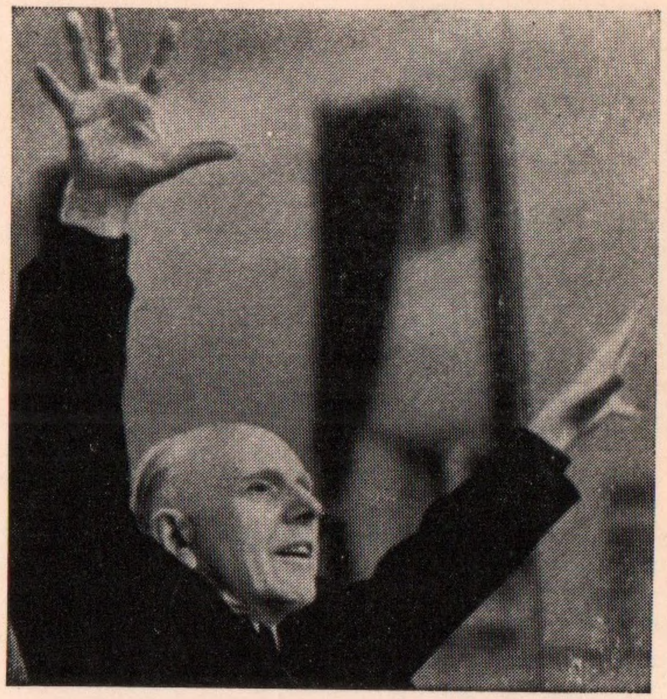

ВЫ ПЕРЕЛОЖИЛИ СЕБЯ НА МУЗЫКУ

Касьяну Голейзовскому семьдесят пять лет. Он учился живописи у Врубеля, скрипичной игре у профессора Крейна, актерскому мастерству у замечательного петербургского актера и педагога Сладкопевцева. В течение полувека судьба сводила его с такими титанами хореографии, как Анна Павлова, Вацлав Нижинский, Михаил Фокин.

Долгая жизнь в искусстве не означает механического увеличения объема проделываемой работы. Вернее было бы сказать, что Голейзовский, непрестанно обогащая искусство танца (иногда из-за одной его жемчужины знатоки спешат на вечер хореографических миниатюр), в то же время может

Попробуйте войти в ритм нового танца К. Голейзовского «Непоседа» (на фото — слева). Танец состоит из двух фигур. Размер танцевального такта — четырехдольный. Он укладывается в музыкальное деление ритма «Боссанова».

Итак, слушайте девятую звуковую страницу.

сохранять творческую верность тому, что было найдено им еще в юности. Так, в 1910 году в присутствии самого Скрябина он создавал свою «Скрябиниану». Но работает над ней и спустя полвека. Он говорит:

— Почему меня так тянет к хореографии? Ведь мне приходилось серьезно заниматься очень многими видами искусства... Классическая хореография — это, по-моему, самое высокое из искусств. Она дает возможность воплотить на сцене такие всеобъемлющие образы, как мир, любовь, ненависть, мечта.

Часто приводят обычную сентенцию: актер умер в режиссере. Мне кажется, что в данном случае танцовщик растворяется в идее постановки. Впрочем, не до конца. Не имей артист ярко выраженной индивидуальности, даже самый гениальный режиссер ничего не сумел бы создать. Но в том случае, когда хореограф и артист балета достигают творческого согласия, зритель имеет возможность увидеть совершенно необыкновенную картину танца.

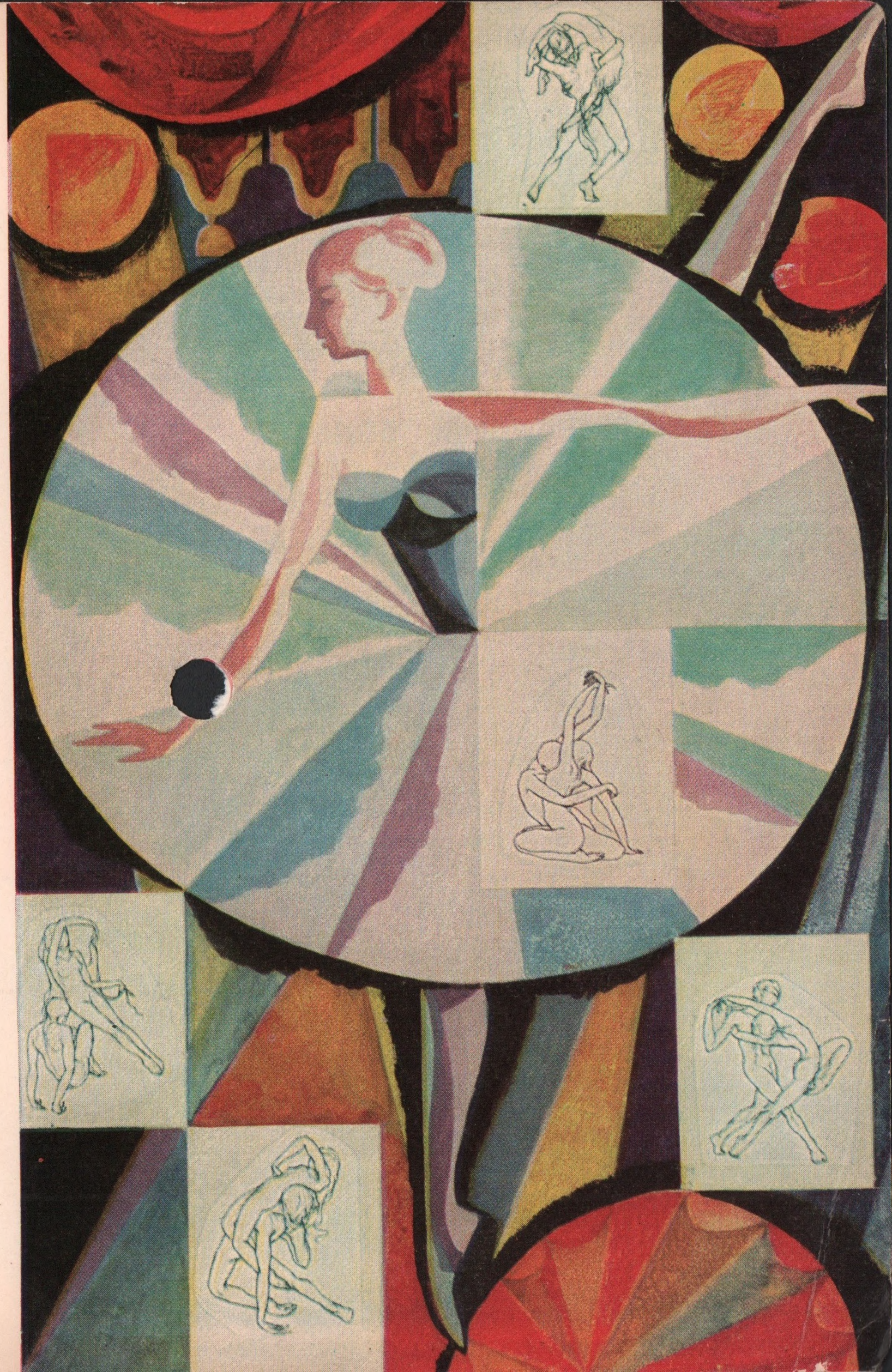
Летом он живет в деревне Бехово на Оке. Голейзовский любит слушать голоса леса. Но лес еще и материал для скульптора. Голейзовский — превосходный резчик по дереву.

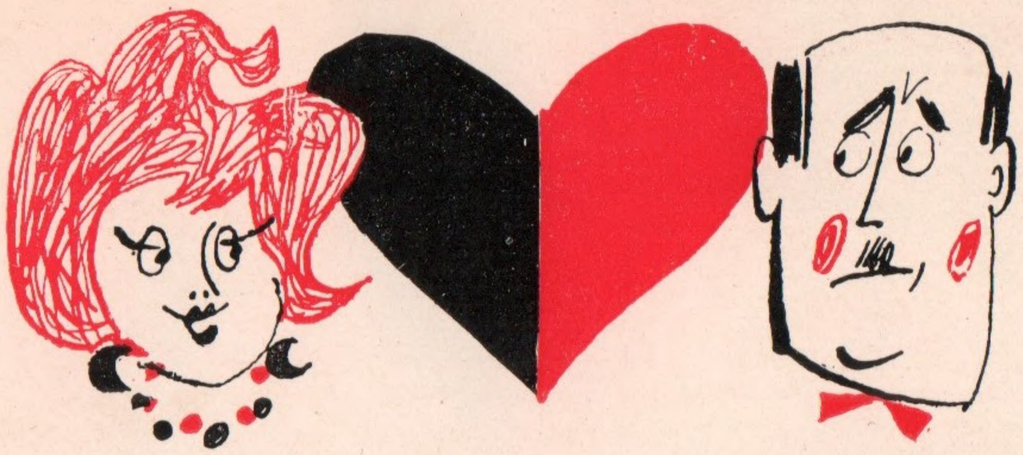
Во всем: в природе, в искусстве, в жизни шумного города и в тишине деревенских сумерек — он улавливает прежде всего ритм. И когда Голейзовский странствует по деревням, забирается в глухие села, чтобы увидеть чудом сохранившуюся от давних времен пляску, то в этом сказывается стремление мастера связать воедино разорванные нити народного ритма-танца.

— Движения настоящей народной пляски,— рассказывает он,— заколдовывают человека. И сегодня мне интересно сделать такой танец, который не нес бы на себе отпечатка постановочной работы хореографа. Чтобы он как бы проистекал из настоящих народных обычаев и традиций. Мне хотелось бы, чтобы этот танец нравился всем. Чтобы молодые люди, танцуя его, не забывали про упоительное ощущение молодости. В жизни бывают минуты воодушевления и какой-то особенной красоты, которые заставляют человека интуитивно входить в ритм...

Н. ВИКТОРОВА

В композицию включены рисунки К. Голейзовского к балету «Лейли и Меджнун».

Г. ВЕДОВ

когда у женщин волосы были зелеными

Море было неспокойным, но эти двое его не боялись. Один из них разглядывал горизонт, а другой перебирал гальку.

— Папа, что это такое?— спросил второй и протянул ладонь. В ладони блеснул черный полумесяц.

Первый долго рассматривал странный предмет, а потом ответил:

— Это клипсы.

— А что такое клипсы?

— Как тебе ответить?..— сказал первый и посмотрел вдаль, будто что-то хотел там увидеть.— Очень давно женщины носили такие украшения... Цепляли вот так, за мочку уха — видишь?

— Вижу.

— Эти клипсы сделаны из очень крепкой пластмассы — тетраклона. Из тетраклона когда-то делали сопла околоземных ракет.

— А зачем женщины носили клипсы?

— Понимаешь, сынок, что-то у женщин не ладилось тогда с мужчинами. Мужчины много работали и почти не обращали внимания на женщин. А женщинам так хотелось нравиться мужчинам. Но почему-то они считали, что наилучший путь к этому — носить клипсы, надевать туфли на тонких и очень неудобных каблуках, красить губы, волосы...

— В красный цвет?

— В разные. Был красный, был оранжевый, потом — черный, а одно время был даже зеленый.

— Папа, расскажи мне о том времени.

— Как-нибудь потом. Смотри, дельфин Эльфа зовет нас. Опять у него что-то случилось. Беги, позови маму, а потом проверь акваланги.

...Осенью в школе на первом уроке, когда учитель, обращаясь к ребятам, спросил: «Что вы узнали за лето? И что хотите услышать от меня?» — мальчик осторожно поднял руку и сказал: «Расскажите, пожалуйста, о том времени, когда у женщин волосы были зелеными.»

И в классе стало очень тихо...

Кругозор

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

Издатель:
КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

На первой странице обложки: Фото Нины Свиридовой.

Режиссер Н. Субботин.
Художник В. Щапов.
Технический редактор И. Шифрин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции: Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции: В 3-73-94, В 3-74-59.
Б 04502. Подп. к печ. 19/I—67 г. Формат бумаги 84×108 1/8. Бум. л. 0,5. Печ. л. 1. Тираж 250 000 экз. Зак. 3669.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

Слушайте в номере:

1. Голоса нашей биографии. У Кремлевской стены: диалог с временем. Авторы Г. Шергова, В. Возчиков, Е. Широков.
2. Путешествие с магнитофоном по Колыме.
3. Б. Корнилов, Б. Пастернак, Н. Заболоцкий. Стихи в исполнении лауреата Ленинской премии М. Ульянова.
4. Письмо убийце.
5. Зазвучавшая находка. Моцарт. Рондо ре-мажор для валторны с оркестром — исполняется впервые. Фрагмент из «Дивертисмента» № 11. Играют В. Буяновский, камерный оркестр Ленинградской филармонии, камерный оркестр п/у Р. Баршая.
6. Русская песня в Италии. Поют Саетта и его друзья.
7—8. Песенные премьеры: П. Бюль-бюль оглы и О. Гаджикасимов. «Разговор птиц»; Е. Птичкин. «Вокализ»; Ю. Стржелинский и И. Шаферан. «Разрешите пригласить»; Э. Колмановский и М. Матусовский. «Хочу назвать тебя другом». Исполняют П. Бюль-бюль оглы, Л. Мондрус, М. Магомаев, Э. Саркисян, М. Лукач, А. Горохов.
9. К. Голейзовский знакомит с новым танцем «Непоседа». Музыка Ю. Шерлинга.
10. Танцевальные ритмы эстонских композиторов Х. Хиндпере, Б. Кырвера, П. Сауля.
11—12. Песенный марафон по столицам социалистических стран: Кристель Шульце (ГДР)—«Московские окна»; Георгий Кордов (Болгария) — «Песня о друге»; Ирэна Сантор (Польша) — «Журавленок»; Иосиф Кобзон (СССР) — венгерская песня «Это любовь».

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

ПЕСЕННЫЙ МАРАФОН

С некоторых пор музыкальные конкурсы стали походить на спортивные состязания: тот же накал страстей, мгновенная реакция зрителей... Параллели эти, конечно, условны. Однако мы хотим провести другой знак равенства. Международный фестиваль современной эстрадной песни, состоявшийся в конце 1966 года и объединивший артистов шести стран, был подобен песенному велотуру. В самом деле, его 12 участников (по два от каждой социалистической страны) устремились в турне по маршруту: Москва — Варшава — Прага — Берлин — Будапешт — София. В этих городах конкурсанты должны были исполнить два номера: песню своей страны и страны, где они выступали. На каждом этапе этого эстрадного марафона были свои лауреаты. Так, например, Марта Бенци и Янош Коош из Венгрии стали победителями в Софии, Кристель Шульце из ГДР и Янош Коош — в Москве. Трижды отмечены призами Иосиф Кобзон и Тамара Миансарова. Некоторых участников этого состязания певцов вы услышите на 11-й и 12-й звуковых страницах журнала.

Тамара Миансарова

Лили Иванова
(Болгария)

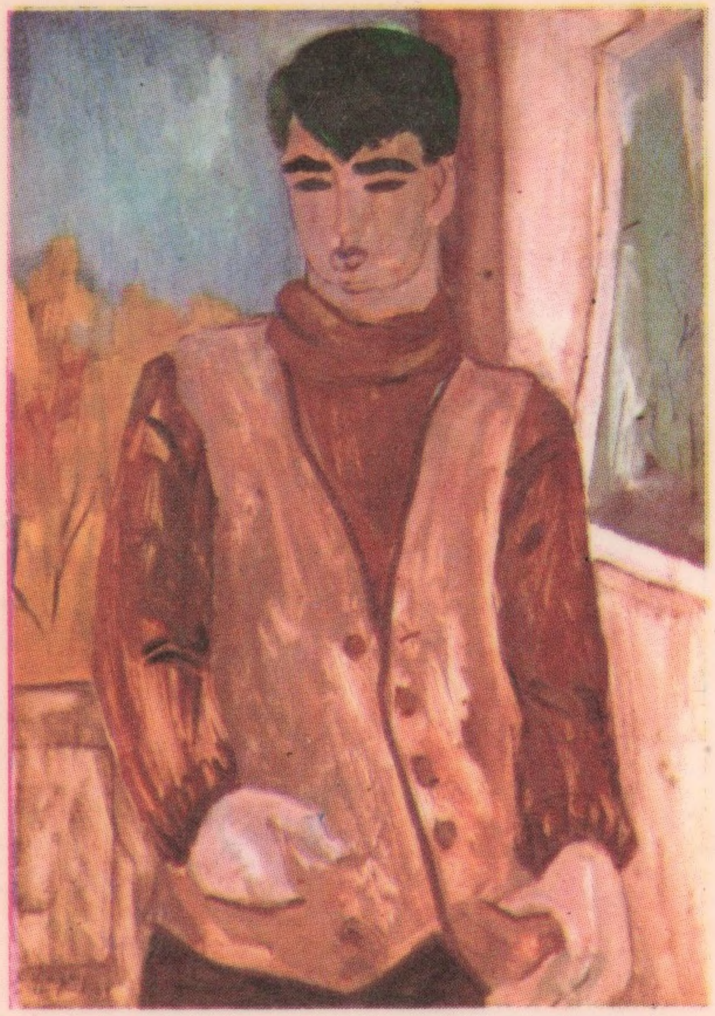
Иосиф Кобзон

Зуска Лонска
(Чехословакия)

Янош Коош
(Венгрия)

Цена 1 руб.

РОЖДАЕТСЯ ХУДОЖНИК. *Ваан Кочар — пятнадцатилетний школьник из Еревана. Его первые работы: «Автопортрет», «Натюрморт», «Весна».*